

Слава Бродский

“Евгений Онегин” в постановке Мариинского театра на сцене Metropolitan Opera House 19 июля 2003 года

Вас это не раздражает? The Kirov Opera of the Mariinsky Theatre. Как для вас это звучит? Для меня это все равно, как если бы из Берлина привезли Hitler Opera или, скажем, Goebbels Ballet. Я, конечно, прошу прощения у берлинцев за такое допущение. И сделал-то я его, предполагая, что все понимают, насколько оно нереалистично. Но почему-то то, что мы никак не можем ожидать от немцев, мы не только ожидаем, но даже все время терпим от русских. И на редкие наши недоуменные взгляды они отвечают очень уверенно, что, мол, уже в течение долгих лет они ездят по свету с этим именем и если его снять, то можно этим нанести ущерб театру. И мы им говорим, что тогда, мол, все понятно, тогда все в порядке. Продолжайте, ребята, в том же духе и ни о чем не беспокойтесь. В следующий раз привозите Ulianov Ballet и Jugashvili Circus.

Вот с такими мыслями я шел в субботу 19 июля 2003 года в Metropolitan Opera House слушать “Евгения Онегина” в постановке Мариинского театра. Один мой приятель заметил мне, что с таким настроением лучше было бы туда не ходить. Возможно, он был прав, мой приятель. Возможно, что эти мои мысли добавили еще что-то к моему довольно негативному мнению о постановке в целом. Хотя впечатление, которое на меня произвели голоса исполнителей, было скорее положительным, чем отрицательным. Но разрешите

мне все-таки начать с самого начала. И рассказать о том, как я воспринял все представление в целом.

Итак, все с самого начала. Дирижер раскланивается. Играется вступление. Занавес идет вверх. Картина первая. На сцене якобы усадьба Лариных. Дом, якобы выходящий в старый запущенный сад. Где-то в сторонке, якобы под деревом, Ларина варит якобы вишневое варенье. Старушка няня, помогая ей, чистит яблоко. Посреди сцены стоит стул. Вместо декораций – белые стены-панели. Дуэт Татьяны и Ольги “Слыхали ль вы” исполняется где-то за этими панелями. И вам начинает казаться, что это фонограмма. Причем плохая. Нет, я, конечно, несколько не сомневаюсь, что никакой такой фонограммы не было. Конечно, пели живые Ирина Матаева (Татьяна) и Екатерина Семенчук (Ольга). Просто впечатление было такое, что запустили фонограмму.

И вот молодые голоса Татьяны и Ольги стали напоминать матери и няне их молодость. Дуэт превращается в квартет. Идет ария Ольги “Я не способна к грусти томной”. Картина подходит к концу, а у нас две хорошие новости. Довольно-таки неплохие (я бы даже сказал, совсем неплохие) два голоса: меццо-сопрано Светланы Волковой – Лариной и контральто Екатерины Семенчук. Вселяя надежды, опускается занавес.

И тут пришла беда, откуда ее не ждали. Вы помните, посреди сцены стоял стул? Так кто-то его сдвинул. И занавес опустился прямо на стул. За занавесом смятение. Все бегут вызволять стул. В зале оживление. И вот тут меня стали одолевать плохие предчувствия. Правда, не очень было ясно, почему.

Вроде бы ерунда какая-то. Подумаешь, стул не туда поставили. Может быть, это Ольга-шалунья его нарочно туда подвинула. Но я стал вспоминать, как точно такая же история произошла когда-то давным-давно в Москве на сцене Дома культуры завода “Каучук”. Ну вспомнил и вспомнил. И надо было, конечно, сразу же об этом постараться забыть. Но почему-то этот эпизод не забывался. И эта мысль о художественной самодеятельности завода так и не покинула меня до самого конца представления.

Картина вторая. Татьяне беспокойно. И Ирина Матаева изображает это очень темпераментно и, я бы даже сказал, страстно. А поскольку дело все это поначалу происходило на кровати, то в некоторый момент я стал опасаться, как бы она не переступила некоторую, знаете, такую черту опасную. Но нет, никакой черты Татьяна не переступила. И оттого, что она ее не переступила, мне ее темпераментность очень даже понравилась. И я с нетерпением ждал дальнейшего развития событий.

Татьяна расспрашивает няню про старые года. И вот тут есть один такой интересный момент. Помните, конечно, это: “Так, видно, бог велел. Мой Ваня моложе был меня, мой свет. А было мне тринадцать лет”. Я на этой фразе всегда аудиторию проверяю. Если оживление в зале большое, то что это значит, по-вашему? Если кто-то засмеялся или жене своей сказал: “Слышь, слышь, тринадцать лет!” А это значит, что те, которые “оживились”, ни «Онегина» в театре никогда не слушали, ни Пушкина не читали. А в зале, конечно, всегда найдутся такие. И исполнители это хорошо знают. И Филиппиевна, то бишь, Ольга Маркова-Михайленко, которая, кстати, тоже очень и очень

неплохо свое отпела, когда до этого места дошла, уж постаралась, чтобы про тринадцать лет все расслышали. И к зрителям обернулась, и выражение на лице подходящее сделала, и звука немного прибавила.

Что же дальше на сцене? Татьяна подходит к столу, берет перо, бумагу. Петр Ильич наш непревзойденный заставляет забыть все постановочные неудачи: “Тирам-тирам, тирам-тирам”. Пошел Татьянин безумный сердца разговор. “Я к вам пишу – чего же боле? Тирам-тирам, тирам-тирам. Что я могу еще сказать?” Два гения одновременно – это слишком много для простого человека. Признаюсь, покатила слеза. Крупная покатила, не остановить. И вот уже последние слова Татьяны. Она закончила писать свое необдуманное письмо. И опять Чайковский этими своими невозможными “Тиини, рара, рара, рара, ра. Парара-ра, парара-Тиини...” пронзает вашу голову и грудь насквозь и разрывает вас на части.

Конец второй картины. Занавес идет вниз. И долго потом не поднимается. Что там такое происходит при полном отсутствии декораций, вообразить нельзя. Случайность? Нет, это будет повторяться перед началом всех картин. Зритель ждет – артисты не торопятся.

Пошел все-таки занавес. Картина третья. Девушки-красавицы поют где-то за панелями. И опять ощущение, как от фонограммы. И вот наконец ариозо Онегина. Вы помните, конечно. Напоминать не надо. “Когда бы жизнь домашним кругом” и все такое. Владимир Мороз исполняет. Моим друзьям он не понравился. А мне показался ничего себе. Может быть,

только степенности какой-то ему не хватало. Но тут мне хотелось бы сделать такое пояснение. Когда мы оцениваем какого-то исполнителя, мы всегда должны иметь в виду, на каком уровне мы его оцениваем. Если на уровне Дома культуры завода “Каучук”, на котором, как я считаю, был поставлен нынешний «Онегин», то исполнение всех до одного (может быть, кроме одного) было просто блестящим. А если судить по образцам ведущих мировых театров, то тогда крепкая четверка (по российским школьным оценкам) – это будет средний уровень Мариинского театра. Вот я и говорю теперь: нормально Владимир Мороз справился с исполнением. На крепкую четверку его баритон звучал.

Второй акт. Закружился вальс. Один закружился. Без гостей. Еще одно упрощение в постановке. И гости поют где-то там, за панелями. Что поют – не разобрать. И народ русский подстрочник английский на креслах стал читать.

Трике отпел свое. А уж как он был одет – я этот вопрос обхожу стороной. Это пусть специалисты потом обсудят. И вот уже мазурка пошла. Почти по тем же нотам идет, что и предсмертная ария Ленского. Тревога в воздухе. Звучит ариозо Ленского “В вашем доме” в проникновенном исполнении Евгения Акимова. Вернее, предполагалось, что будет проникновенное исполнение. Музыка, знаете, так написана. Прямо для проникновенного исполнения. Так как же все-таки пел Евгений Акимов? Это, я бы сказал, всегда было ключевым вопросом для «Евгения Онегина»: кто и как спел Ленского. Может быть, потому, что здесь-то мы уж точно знаем, как он должен петь. У нас, у русских, есть эталон. Увы! До эталона

Евгений Акимов не дотянул. Хотя нельзя сказать, что он пел хуже других своих коллег по сцене. И даже поначалу его голос вселил в меня какую-то надежду. Но голос потом куда-то исчезать стал. Слова, что ли, забыл, – подумалось мне. Нет, слова не забыл. Говорят, плохо чувствовал себя в этот вечер Акимов. Может быть. Тем более, что как он только дошел до слов “как демон коварна и зла”, стал Ольге зачем-то платье задирает. А это только плохим самочувствием и можно объяснить.

А дальше совсем пошло-поехало. Друзья стали ссориться не на шутку. И вот они уже схватили друг друга за грудки. И Евгений так швырнул друга своего, что бедный Ленский еле на ноги поднялся после этого. А я-то думал, откуда это Seinfeld взял такое, что русские обязательно друг друга за грудки берут. Наверное, он на «Евгении Онегине» побывал. В Мариинском варианте.

Пятая картина. Элегическая ария Ленского “Куда, куда вы удалились”. Мурашки на коже не появляются. Одному моему приятелю показалось, что ария была исполнена искренне. Готов с этим согласиться.

Прошел дуэт “Враги, враги”. Слова опять не очень-то разбирались. Но к этому все уже привыкли. И вот друзья уже начали стреляться. Вы помните, как там все закончилось? Нет? Я серьезно. Надо напоминать? Ну ладно, я на всякий случай скажу. Евгений стреляет первым и убивает своего друга.

Когда уже все решили, что Ленский убит, Онегин, который должен был бы броситься к нему и быть в страшном смятении, стал подходить к убитому очень спокойно поначалу. И я испугался, не собирается ли Онегин сделать контрольный выстрел в голову. Нет, не

делал Евгений, конечно, никаких контрольных выстрелов. Хотя после этой дурацкой потасовки у Лариных на балу, можно было ожидать всего, чего угодно.

Третий акт. Гремит полонез. А занавес вверх не идет. Мы сидим и смотрим в пустоту. У меня хорошее воображение. Я закрываю глаза и представляю себе, как все должно быть. Еще один виток полонеза: “ТРРРЬЯЯМ-ПАРАРАМ, пам-пам, ПАРАМ-ПАРАМ, ПАРАРАМ...” Занавес наконец-то ползет вверх. Что это? Бал решили упростить до предела. То бишь отменить совсем. И все теперь в двух оставшихся картинах будет происходить на дворе, на свежем, так сказать, воздухе. Да, конечно, я прекрасно понимаю, сколько надо трудиться, чтобы показать бал в аристократическом петербургском доме. Гораздо проще сослаться на первоначальный замысел Чайковского, мол, он хотел, чтобы было все просто. И этим все объяснить. Объяснить-то можно все, что угодно. И отсутствие декораций и массовых сцен. Заодно и все промахи. Ведь это же так задумано было: «Слыхали ль вы» должно доноситься откуда-то из дома.

Все можно объяснить. Беда только в том, что оно так НЕ РАБОТАЕТ. И я бы добавил еще вот что: когда вы слепо следуете авторскому замыслу и у вас ничего не получается – это не называется новаторством.

Полонез оказался ключевым поворотным моментом. После него уже и музыка Чайковского не в радость стала, и певцов уже слушать не хотелось.

Ария Гремина “Любви все возрасты покорны” пошла. Не дотянул Михаил Кит вниз. Захрипел даже немного. Говорят, простужен был. Не сомневаюсь, что простужен. Русские всегда хорошие басы привозили...

А теперь несколько слов об оркестре. Хотя я так был ошарашен всеми этими накладками, что оркестру уже много внимания моего уделить не смог. Но показалось мне, что отыграли ребята без особых погрешностей. Один раз, правда, чуть было с хором не разошлись. Но в конце концов как-то все сошлось. Не всегда все разобрать можно было. Самые-самые первые звуки контрабасные, как ни старался я, так и не услышал. Ну если пиццикато ваше, ребята, не слышно в зале, так, может, смычком надо сыграть. Как раньше, я помню, играли. Но это, знаете, мелочи, конечно.

В перерыве я подошел к оркестровой яме. Молодой скрипач пытался сыграть какой-то пассаж из третьего акта. И ошибся примерно на полкилометра. Попробовал второй раз. Получилось лучше - на полметра не дотянул. Тогда он стал медленно выигрывать отдельные ноты. И ноты эти, хотя и очень еще фальшивые, уже были почти что правильные. Во всяком случае, стало понятно, что он пытается сыграть. И только страшно было представить себе, как он будет это все в темпе играть. И я подумал, какая все-таки это сила - оркестр. Гремит, звенит - кто разберет. Вот только духовики - это должны быть крепкие ребята. Потому что почти каждый из них - солист. А струнники... Наяривай себе смелее. В шуме вся грязь потонет.

Последняя, седьмая картина. Вы помните, теперь до самого конца все будет происходить на свежем воздухе. Около той же стенки-панели, которая и на балу была, и на дуэли, и везде. Дослушиваю дуэт Онегина с Татьяной уже чисто механически. И когда в самом конце Онегин упал в тоске и все поглядывал, когда же занавес закроется, чтобы ему уже встать

можно было, я с облегчением вздохнул и пошел к выходу.

Мне было очень грустно. И тут меня одна интересная мысль посетила. И я подумал, что же это такое получается? Упрощали все, упрощали, а до такой простой штуки не додумались. Смотрите, у них Евгений пел Владимира, а Владимир – Евгения. Зачем такие сложности? Надо, конечно, было и здесь все проще сделать. А вы как думаете?